Публикация: Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Об изменяемости и неизменности православного богослужения // Журнал Московской Патриархии. – 1998. – № 8. – С. 62–68.*

В течение всей истории православного, или «кафолического», христианства вера была неотделима от молитвы и богослужения, а богослужение выражало веру Церкви. Эту неотделимость *Lex orandi* и *Lex credendi* (лат.: правило молитвы и правило веры. – *Прим. ред.*) знало древнее монашество. Авва Евагрий писал: «Кто молится, тот богослов», а наше восточное Православие испытало на опыте и испытывает по сей день, как вера действительно сохраняется в богослужении Церкви. В течение многих веков православное богослужение сохраняло Православие на Ближнем Востоке под турецким игом. О силе богослужения, как выражения веры и верности, хорошо знает и Русская Церковь. Но эта неразрывность
церковной
веры и
церковного
богослужения предполагает верное ощущение самой Церкви, верный церковный опыт, то есть восприятие верного соотношения между разными аспектами православной экклезиологии. В рамках предоставленного времени я постараюсь поделиться с вами несколькими замечаниями:

- об экклезиологических предпосылках всякого истинно православного подхода к вопросу о богослужебных изменениях;
- об исторических примерах таких изменений, имеющих отношение и к нашему времени.

1. Экклезиологические замечания

Отец Павел Флоренский хорошо определил значение *культа* как выражения *культуры* в целом, включающей прошлое, настоящее и будущее (эсхатологическое) бытие церковного общества. Так, Церковь живет апостольской верой, выраженной раз в прошлом, но на веки вечные сохраненной свидетелями Воскресения Христа из мертвых и в последующие времена святыми отцами и учителями Церкви. Эту же веру хранит весь церковный народ в целом. Но эта вера есть также и предвосхищение
будущего
Христова Царства. В евхаристической молитве святителя Иоанна Златоуста мы поминаем: «Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение,
второе и славное паки пришествие
».
[1]

Евхаристия есть центр всей церковной жизни и всего богослужения, а поэтому смысл евхаристического действия осмысляет и весь церковный культ в целом. Богослужение неотрывно от прошлого, настоящего или грядущего: настоящий момент в жизни Церкви связывает нас со всеми «от века благоугодившими» Богу и питает нас опытом радости и победы, которые от века предуготованы для избранных, но также возможны здесь и сейчас.

Если это так, то становятся понятными как необходимый и неизбежный консерватизм Церкви, хранящей богослужение с апостольских времен, так и «мистериальный», священный характер богослужения – Таинства Царства. Текст евхаристических молитв (или «канонов»), употребляемый нами в наши дни, повторяет, часто дословно, текст таких же молитв II и III веков, хотя основное ядро богослужения и обросло в византийские времена многими новыми элементами, отражающими другие века и эпохи. Эта *основная* связь с прошлым дополняется «горизонтальным» единством культа, объединяющим местные Церкви в единую Вселенскую Церковь. В древней Церкви не существовало административного единства между Церквами. Не было центральной власти, которая регулировала бы богослужение для всех местных Церквей. И тем не менее скажем, в IV веке – богослужение в Александрии, в Риме, в Антиохии или в далекой Галлии было в основном однозначно. Структура его была одинакова. Церковь жила без единого административного центра, но едина в жизни; и это духовное единство в восприятии апостольской веры выражалось в единстве (или, по крайней мере, однозначности) богослужебных форм. В наше время литургисты много настаивают на богослужебном *разнообразии* в древней Церкви. Такое подчеркивание разнообразия удобно для современного экуменического диалога, в котором его участники ищут формы церковного единства веками разделенного христианства. Но при изучении древней Церкви еще более поражает стремление древних христиан к сохранению литургического единства, которое легко обнаружить в истории богослужения. Поместные Церкви легко воспринимали отдельные элементы одна у другой: Александрия у Антиохии, Галлия у Константинополя и т. д. А Константинопольская Церковь вообще имела тенденцию к синтезу: ее богослужение в IV, V, VI и VII веках было богослужением сборным именно потому, что церковь столицы была церковью приходящих отовсюду, церковью литургического синтеза… Как бы то ни было, у древней Церкви не было стремления во что бы то ни стало сохранять отдельные, самодостаточные «обряды». Богослужение было выражением веры всей Церкви – единой в вере, в молитве и в Таинствах, хотя и неизбежно «многоликой» в языковом отношении.

Если богослужение Церкви выражает единство веры, а вера – едина, то и форма богослужения должна отображать это же единство. Некоторое разнообразие неизбежно, но не является самоцелью: оно имеет значение миссионерское, подчиненное основному и единому назначению бытия Церкви.

Но если вера и богослужение неразрывно связаны, то эта связь должна быть не только формальной, но и живой, питающей и веру людей, и их молитвенную жизнь. В православном понимании Церкви вера сохраняется не только через апостольское преемство епископата, но и всем народом Божиим; соборность Церкви выражается не только в Соборах – Вселенских и Поместных, но также и в их принятии и усвоении всем народом Божиим. Так и богослужение не есть дело одного лишь духовенства: оно творится и питается благочестием всего народа. В историческом бытии Церкви часто

возникают опасности от нарушения соборного единства и соборного восприятия истин веры. Например:

– Богослужение, или, вернее, народное благочестие, иногда развивается независимо от церковного богословия, от Писания, от церковного учительства, а тем самым и церковного Предания. Когда богослужение застывает в непонятных формах, совершается на непонятном языке, отдает предпочтение внешним (а иногда и совсем недавним) обычаям, то народ начинает прибегать к «кустарному творчеству», питается сентиментализмом, а иногда и вовсе уходит на совсем нецерковные (сектантские) пути…

– Другая психологическая и духовная опасность: богослужебные реформы, исходящие «сверху», навязываемые иерархией, может быть, и на вполне правильных богословских основаниях, но без народного восприятия, без доверия и единства между церковной властью и народным благочестием. Такие реформы создают атмосферу разлада и часто приводят к расколу.

– Еще одна опасность, вполне очевидная и сразу возникающая там, где произошел разрыв между богословием и благочестием, где богослужение больше не питается живым Преданием Церкви: это склероз литургических обычаев, отсутствие понимания их смысла, вымышленные символические толкования, направленные лишь на то, чтобы оправдать то, что в оправдании, собственно, не нуждается. Когда общество и культура меняются, такое «замороженное» богослужение перестает быть проводником Истины и Жизни.

В наше время миллионы людей духовно питаются православным богослужением. Очень многие – у нас, на Западе – начинают понимать Православие именно через литургическую традицию не только христианского Востока, но и древнего христианского Запада. В православном богослужении они находят и связь с апостольской верой первых веков христианства, и опыт грядущего Царства Божия.

Именно поэтому нам, православным, надо хранить богослужение не только как необходимую связь с прошлым, но и как живое свидетельство о вере. Это требует как хорошего знания его истории, так и богословского духовного опыта того, что составляет ядро именно *церковной* молитвы, в которой прошлое, настоящее и будущее объединяются в жизни Тела Христова.

Русская Церковь имела и имеет особый, часто трагический опыт в этом отношении. Поэтому именно русскому богословию, русским литургистам и, конечно, русскому пастыреначалию принадлежит особая ответственность в деле сохранения и развития православного богослужебного предания в наши дни.

2. Уроки прошлого

Если, поставивши вопрос об изменяемости и неизменяемости богослужения, мы обратимся к истории Русской Церкви, то в самом центре сознания сразу же явится раскол XVII века. И не только потому, что он оказался решительным событием в преддверии петровских реформ, но и потому, что он выявил некоторые черты, как положительные, так и отрицательные, в Русском Православии того времени. Обо всем тут говорить невозможно, да и очень многое о расколе уже было сказано. Ограничусь только вопросом о богослужении как таковом.

Первое, что можно сказать, это то, что впервые во всей истории христианства сам *прин цип*

изменяемости богослужения как будто бы оспаривался обеими сторонами. Обе они ощущали необходимость правки книг, но они также были твердо уверены в том, что существует единый, незыблемый церковный богослужебный устав, принятый из Византии во времена Крещения Руси. Расходились стороны только в том, как лучше этот устав восстановить: обращаясь ли к «древним» (греческим или славянским) книгам, или же следуя современной практике Греческой Церкви. Ни та ни другая стороны не обладали ни необходимыми знаниями, ни практической возможностью проверять русскую практику по «древним» образцам, и поэтому решение Патриарха Никона и Царя – исправлять книги по греческим образцам (то есть по книгам, напечатанным в Венеции, часто не без латинских влияний) – было решением упрощенным, которое пришлось навязывать силой. Реакция старообрядцев всем известна…

Но «реформа» Никона была лишь «исправлением», а не настоящей реформой. Удивительно то, что участники трагедии XVII века, как никониане, так и староверы, не имели представления о том, что не только «исправления», но и настоящие реформы богослужения проводились в прошлом, в истории именно Русской Церкви, не вызывая ни сопротивления, ни раскола.

Не говоря уже о переменах, которые имели место в богослужении Константинопольской Церкви в X и XI веках и несомненно отражались на Руси, сравнительно более недавнее (в XIII и XIV веках) принятие Иерусалимского устава, а также известного «диатаксиса» Патриарха Филофея о служении Литургии прошли на Руси вполне безболезненно. Это были реформы куда более значительные, чем «правка книг» при Никоне. Видимо, во времена татарского ига и правления митрополита Киприана, когда вводились реформы – между иерархией и народом, клиром и мирянами, государством и Церковью, – существовала атмосфера органического доверия. Не было всех тех духовных сомнений, страхов и внутренних терзаний, которые оказались так характерны для XVII века. Действительно ли Москва – Третий Рим? Не колеблется ли Православие из–за западного влияния? Не являются ли греки агентами иезуитов? Есть ли у нас «ученые» люди, способные противостоять опасности? И если есть, то кто они? Как сам раскол, так и последовавшие вскоре репрессии против раскольников в значительной мере отражали страх и странные чувства неуверенности и собственной неполноценности… Совсем пропало то органическое, естественное соборное единство, которое было так сильно на Руси в XIV и XV веках. Интересно, что почти одновременно на Украине митрополит Петр (Могила) также произвел реформу – гораздо более сомнительную по содержанию. Как известно, значительные части его «Требника» (например, молитвы Таинства Покаяния, а также рубрики при совершении Литургии) были им сознательно заимствованы из латинского обряда и отражали латинское схоластическое богословие Таинств. А между тем реформа Могилы была беспрекословно принята в Западной Руси, а со временем была широко использована при издании новых богослужебных книг в Москве. В Могилу поверили как в ревнителя Православия, а в Патриарха Никона не поверили…

3. Реалии настоящего

Смотря на христианский мир в целом, в наши дни нельзя не упомянуть об опыте литургической реформы, произведенной II Ватиканским Собором Римо-Католической Церкви. Эта реформа явилась во многих отношениях результатом замечательных достижений литургического движения, имевшего место в послевоенные годы, в особенности во Франции и в Германии. Стремление восстановить древнюю литургическую практику, приблизить богослужение к народу путем употребления разговорных языков (взамен латинского), сознательное принятие многих черт древнего богослужения, сохранившихся на Востоке, – все эти важные достижения реформ Ватиканского Собора имели большое экуменическое значение, сблизили католичество с Православием. Но экклезиологический *контекст* и *метод* реформы привели к опасной секуляризации богослужебной жизни на Западе и, во всяком случае, *только лишь частично* оздоровили литургическое сознание. Активное меньшинство католических «старообрядцев» по сей день противятся реформе, навязанной «сверху» и нарушившей многие черты благочестия, которым жил народ…

Во многом нам можно поучиться от этого опыта – как в положительном, так и в отрицательном смысле.

В Православной Церкви даже в настоящее время богослужение отнюдь не так *статично*, как нам иногда это кажется. Ограничиваясь Русской Церковью, можно привести несколько примеров.

Во внешнем эстетическом отношении введение – после XVIII века – западного полифонического пения, включая много «концертных номеров», значительно изменило общий характер и «стиль» богослужения в России. Популярность большого числа акафистов, написанных по образцу знаменитого Акафиста Божией Матери, Ее Похвалы, стала питать благочестие по–новому, пользуясь более народным языком, часто более доступным, чем переводы с греческого. Практика служения утрени вечером, а вечерни – утром, первоначально оправданная пастырскими соображениями на приходах, стала «нормальной» даже в монастырях. Таких примеров можно привести и больше…

Я их привожу отнюдь не ради критики. Во многом они отражают реальную потребность и приняты народом в целом. Но они ставят перед церковным сознанием: 1) сам факт очевидных богослужебных изменений; 2) необходимость осмыслить связь между благочестием и богословием, церковностью и ее выражением в богослужении. Ведь многое происходит без такого осмысления – как-то параллельно с общецерковным сознанием.

Русская Церковь знает печальный опыт «обновленчества» в послереволюционные годы. Тут существуют некоторые параллели с реформами Ватиканского Собора в католичестве. Некоторые «обновленческие» реформы имели характер гонки за секулярной современностью, в отрыве от церковного народа. Но главное, они были введены раскольниками, борющимися с Церковью. Тем самым даже положительные и в принципе приемлемые и желательные реформы, вводимые обновленцами, оказались скомпрометированными в глазах народных масс да и самой Церкви, так как они

исходили не от нее, а от тех, кто от нее откалывался.

В наши дни для тех из нас, кто призван свидетельствовать о Православии в западных странах, вопрос о богослужении является вопросом первостепенной важности, как практически, так и духовно. Оставляю в стороне вопрос о литургическом языке: тут в Православии не существует принципиальной трудности, поскольку православные миссионеры всегда и везде переводили Священное Писание и богослужебные тексты на понятные данному народу языки.

Но даже при наличии удовлетворительных переводов наше сознательно *миссионерское* свидетельство требует такой богослужебной жизни, которая могла бы действовать на внешних именно так, как когда-то богослужение в святой Софии Константинопольской подействовало на послов святого князя Владимира: «Мы не знали, на небе мы или на земле…»

В условиях часто поверхностных экуменических встреч с благонамеренными и благовоспитанными западными христианами, заранее настроенными благожелательно к «торжественности» (а иногда и экзотичности) православного богослужения, мы можем ограничиться историческими и символическими объяснениями того, что есть. Но в Америке и в Западной Европе к Православию также стремятся интеллигентные, ищущие люди. Мы их зовем в Церковь и говорим: «Приди и виждь…» И тут мы невольно стоим перед судом нашего же собственного церковного Предания, которое мы *не* соблюдаем, заменяя его обычаями, укоренившимися недавно, часто непонятными и необъяснимыми даже для нас самих. И приходящие уходят, не «вкусив трапезы»… Опыт показывает, что даже самые, кажется, второстепенные несостоятельности могут отвратить людей от Церкви.

В заключение я хочу указать на три основных принципа, с которыми, как мне кажется, нужно подходить к вопросу, поставленному в моем докладе:

1) *Богослужение выражает Предание Церкви*, то есть исповедание церковной веры во времени, в разных культурах и разных эпохах. Мы верим, что это Предание есть Священное Предание: изменяясь в веках, оно остается неизменным по существу. Нам надлежит совершать богослужение так, чтобы оно всегда отражало Священное Предание. В русской богословской науке имеется множество руководств, показывающих, как это происходило в прошлом: имена профессоров Мансветова, Скабаллановича, Дмитриевского, Успенского и многих других нам, я думаю, известны.

2) *Богослужение отражает единство Церкви* – единство со святоотеческим прошлым и единство со всеми теми, кто сейчас исповедует ту же православную веру.

3) *Богослужение есть свидетельство сознательной веры*: оно не должно развиваться в отрыве от богословия, от веры, от учительства, от опыта отцов.

В рамках этих условий можно понять, что такое неизменяемость богослужения и как оно может законно изменяться. Изменения незаконны, когда они происходят в разрыве с иерархией или в отрыве от народного благочестия; когда они бессознательно отражают духовный упадок или искусственное приспособленчество к миру сему; когда они навязываются «сверху», извне органического церковного сознания; когда они возникают в отрыве от богословия или вообще самоощущения Церкви. Но есть и вполне законные изменения и обогащения, которые всегда отражают подлинную церковную жизнь, связывающую нас с веком апостолов и отцов, делают эту жизнь доступной всем «спасаемым» в разные эпохи и в разных обстоятельствах.

Более того, можно сказать, что изменяемость и развитие богослужения так же

неизбежны, как и сама жизнь Церкви в истории. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные и очевидные заимствования из практики византийского императорского церемониала, введенные в богослужебную практику в средние века, или весь тот «стиль» благочестия в Русской Церкви, который восходит к XIX веку… Даже тогда, когда эти изменения не оправданы ни Преданием, ни богословием, они указывают на *жи зненность*
нашего богослужения. Богослужение, как и сама Церковь, не может игнорировать окружающую жизнь. Но в наше время, когда Церковь нигде больше не пользуется официальной поддержкой государства и общества; когда она предоставлена самой себе и призвана свидетельствовать своими только силами, важно вновь восстановить то органическое единство, которое существовало в древнем христианстве, –
Lex orandi
и
Lex credendi
: единство веры и молитвы. Это требует большой пастырской любви, много терпения и терпимости, единства иерархии и народа и хорошего знания богослужения и его истории.

В начале второго тысячелетия своего исторического бытия Русская Церковь может и должна помочь всем нам, всему православному миру вновь и вновь находить в богослужении «источник воды живой».

* Доклад, прочитанный на 3-й Международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси, «Литургическая жизнь и церковное творчество русского Православия» (Ленинград, февраль 1988 года). Печатается по: Вестник РХД. Париж, 1988. № 153 (II). Об авторе см.: Журнал Московской Патриархии. 1993. № 2. С. 104–109.

---

[1] Советуем прочитать на эту тему на сайте КРФО статью известного литургиста архимандрита Иова (Гечи), доктора богословия, профессора Института Высших Православных Богословских Студий в Шамбези (Женева), почетного члена КРФО: Архімандрит Іов (Геча). «Поминающее… второе и славное паки пришествие»